

АГНИЯ

Сначала мне показалось, что я споткнулась о какой-то бордюр — хотя откуда здесь бордюр? Если честно, я вообще не успела ничего подумать: время ведь не замедлялось, как в фильмах. Просто р-р-раз — и я уже торчу в открытом люке с растопыренными локтями. Как кот, которого пытаются засунуть в ванну.

Спасибо организму — сообразил, что надо разбросать конечности пошире. Спасибо, дорогой организм! Сегодня же угощу тебя пачкой чипсов!

Я осторожно посмотрела вниз. На дне колодца валялись листья, палки, несколько бутылок. Никакой воды, к счастью. Не удержалась бы — пришлось бы лезть вверх метра три точно. Божечки-кошечки! Какого черта вообще здесь,

посреди кустов и деревьев, какая-то дыра в земле? Да еще без крышки.

На аллее никого не было. И слава богу — значит, никто не видел моего позора. Разве что проезжавшие мимо автомобилисты.

Цаца понюхала мое лицо, повилывая хвостиком. Она явно не понимала, почему хозяйка решила вдруг поиграть в прятки и почему так плохо спряталась.

Надо было выбирать. Я уперлась ногами в стенки колодца и, как переваренная макаронина, перевалила через край. Цаца тут же принялась вылизывать мне подбородок.

Фух! Главное, что я вылезла. Хотя кому я вру — главное, что мимо не проходил никакой доморощенный блогер. Интересно, сколько просмотров бы набрало видео, где я, аки червяк, выбираюсь из-под земли? «Дрожь земли», часть седьмая.

Я поймала поводок, волочившийся за Цацей по листьям. Надо торопиться.

* * *

Вообще я человек везучий.

Хотя с люком, конечно, дурацкая история вышла. У папы с утра что-то срочное на работе

образовалось, и он убежал из дома даже раньше, чем мама со смены вернулась.

Папа работает в местном министерстве здравоохранения. А мама — в роддоме. Вроде бы оба связаны с медициной, но на деле — по разные стороны баррикад. Они сто раз договаривались не обсуждать дома работу, но срываются на второй день.

Я бы и столько не выдержала. Мама говорит, у меня силы воли нет. Не вложили при рождении. Но это неправда. Сила воли у меня есть. Я могу вставать по будильнику. Многим это недоступно.

Вот и сейчас, когда мне надоело слушать «Марш священных коров» БГ на телефоне, я наконец выключила будильник и выползла на кухню. На столе лежала записка от папы. Прошлый век! Не мог мне в мессенджер написать?

Агнешка!

Выведи Цацу на пять минут,
я не успел. Еда в сковородке.

Целую. Папа

Я открыла шкафчик под раковиной, чтобы выкинуть записку в коробку с макулатурой,

но подумала и положила ее обратно на стол. Все-таки это мило. Может, выложить в сторис?

Он пишет — на пять минут. Да пока выманишь Цацу из родительской спальни, целая вечность пройдет! Дрыхнет наверняка на одеялах.

Цаца — прекрасный стратег. Она запрыгивает на родительскую кровать обычно примерно в четыре утра, когда сила родительского сопротивления равна нулю. Всё, на что хватает папы, — это не дать Цаце протолкаться к подушкам.

Ему еще повезло, что она относительно мелкая — мне по колено. Он-то в свое время хотел бернского зенненхунда — это такая примерно сорокапятикилограммовая тушка с трогательными бровками. Я бы посмотрела тогда, за кем в итоге осталась кровать.

Так, папа писал что-то про завтрак. Я заглянула в сковородку. Там было папино фирменное блюдо — яичница с чем-нибудь. В роли чего-нибудь сегодня выступали макароны, но в другие дни это могли быть картошка, рис, пшенка, гречка...

Один раз в новогодние праздники папа спросонья вывалил на сковородку остатки оливье. Ну, это он так объяснил, что спросонья. Когда увидел мамино лицо. И начал переключать салат

обратно в тарелку. А жаль. Интересно было бы посмотреть, что получится.

До уроков час. Надо бы ускориться. Разделавшись с макаронами, я налила себе полстакана грейпфрутового сока. Здоровый образ жизни в моде! Правда, сок был не свежавыжатый, а самый обычный, из тетрапака. Но я не так давно пришла к мысли, что лучше делать что-то редко или не до конца, чем не делать совсем. Поэтому пакет с чипсами теперь растягиваю на два дня. А большую бутылку колы — на три. По-моему, это успех.

Я заглянула в родительскую спальню. Так и есть — Цаца лежит на постели, положив голову на папину подушку. Заметив меня, она спрыгнула с кровати и, цокая по ламинату коготками, подбежала ко мне. Да ну? Даже уговаривать не придется?

Цаца у нас цвергшнауцер. А это значит, что борода у нее длиннее, чем у папы. Интересно, почему бородатой собакой никого не удивишь, а вот бородатой женщиной... Хм, хотя сейчас, наверное, тоже не удивишь.

Я на днях набрела в «Инстаграме» на страничку одной девушки из Индии. Как зовут, не помню. У нее во-о-от такенная борода. Как у боярина какого-нибудь. Настоящая, прикиньте?

Это из-за каких-то нарушений в организме. Она сначала брила бороду, обесцвечивала, но всё без толку. Щетина всё равно лезла.

А потом эта индианка решила просто забить. Сказала, мол, бог создал меня такой и мне всё нравится. И ходит с бородой. И маникюром.

Мне бы ее уверенность в себе. Если бы у меня начала расти борода, меня бы из комнаты не вытащили. Сидела бы и орошала ее слезами. Бороду, не комнату.

Хотя можно было бы ее красить в какие-нибудь безумные цвета. В салатový, например. Или малиновый. Не понравилось — сбрила. Не так жалко, как волосы.

Я взглянула в зеркало. Из-под шапки выбивается сиреневая прядь. Пока единственная. Мне дико хочется себе радужную единорожьё гриву, но не нравится, как выглядят волосы, когда цвет немного смывается.

Мадинка вон решилась. Покрасилась в розовый. Неделю было красиво, а потом — как будто линялая тряпка. Нет, мне пока достаточно одной пряди.

На улице было на удивление приятно. Вылезло солнце. Я откопала в кармане пару собачьих печенюшек. Времени еще достаточно. Можно пройтись.

Мы с Цацей завернули за угол нашей многоэтажки, прошли мимо трех двухэтажных развалюх с выпадающими кирпичами. Вообще, в них что-то есть. Наверно, какая-то своя домья душа. Они как пожилые аристократки, которые остались без средств к существованию.

У нашей многоэтажки души еще нет. Она новенькая и больше похожа на гигантскую коробку от холодильника. И стены в ней тоже будто картонные: соседей мы слышим отлично.

Через дорогу от «престарелых аристократок» — частный сектор, а перед ним аллея с тополями и вязами. Я ослабила поводок, и Цацка тут же уткнулась носом в какие-то кусты, повиливая своим коротким хвостиком. Кажется, акация. Сгущенкой ей там, что ли, намазано?

Я сошла с асфальтовой дорожки на землю и потянула собакевишну за собой, показав ей печеньку. Завидев угощение, Цаца сразу напустила на себя вид самой послушной в мире собаки и уселась передо мной. Я сделала еще шаг назад, подманивая ее печеньем, — и неожиданно ухнула куда-то вниз.

Дальше вы знаете. Дома еще выяснилось, что я потеряла шапку. Я даже не заметила! Наверное, когда падала. Или, наоборот, когда вылезала. Блин!

Ладно, вернусь за ней после школы. Если она свалилась в колодец, я всё равно быстро ее не вытащу. Как я ее вообще тогда вытащу?

Настроение было испорчено. Кроме того, я обнаружила, что рукава у куртки все черные, а на левом появилась приличная дыра. Такую незаметно не зашьешь.

Расшнуровывать ботинки ужасно не хотелось, и я на цыпочках прокралась к шкафу в своей комнате и вытащила старую ветровку. В ней наверняка будет холодно, но не идти же как бомж, в самом деле.

По своим грязным следам я вернулась к входной двери. Надеюсь, я приду домой раньше мамы. Иначе мне влетит. Надо будет сразу с порога сообщить ей, что она чуть не потеряла в заброшенном колодце единственную дочь. Тогда, может, и обойдется.

* * *

В класс я влетела секунды за три до звонка. Мадинка махнула мне рукой, я кивнула в ответ. Дженевра, сидевшая у окна, что-то читала. Васим ухватил меня за рукав.

— Эй, домашку сделала?

Он сидел передо мной на четвертом ряду. Я — на пятом. Очень удобно. Ненавижу, когда мне пьются в затылок.

— Сделала, — я аккуратно высвободилась и начала выкладывать из рюкзака тетрадь, ручки, скетчбук... Татьяна Николаевна опаздывала.

— Покажешь?

Я молча раскрыла перед ним тетрадку.

— Вот черт... — протянул он.

Нам было задано нарисовать скелет любого копытного животного. Я выбрала лося. Полвечера убила на это.

Сначала откопала фотки из зоологического музея. Мы туда ходили с папой пару лет назад и долго тоскливо слонялись среди моллюсков и какой-то многоногой мелкоты. Я уже стала думать, что это самый скучный музей в мире. А потом внезапно оказалось, что всё самое интересное — в следующих залах.

Я часа три провела, фотографируя чучела и скелеты со всех ракурсов, чтобы потом их рисовать. Надеюсь, они правда выглядят так. Вот чучела собак были вообще не похожи на настоящих собак. Таксидермист, наверное, кошатник был.

Дольше всего я провозилась с рогами и ребрами. Там же перспектива, светотени и всё такое.